

Клодиус Бомбарнак -2/ продолжение романа

Category: Kitarcy, Romanlar

написано kitarcy | 24 января, 2025

Клодиус Бомбарнак -2/ продолжение романа 3.

Пароход отходит в три часа дня. Те из моих спутников, которые собираются пересечь Каспийское море, торопятся на пристань. Нужно занять каюту или заpastись местом на палубе.

Фульк Эфринель-тотчас же покидает меня:

– Мне нельзя терять ни одной минуты, – говорит он. Я должен срочно переправить свой багаж на пароход.

– А он у вас велик?

– Сорок два ящика.

– Сорок два! – восклицаю я.

– И я сожалею, что не вдвое больше, – говорит янки. – Но с вашего разрешения...

Он торопился так, будто ему предстояло переплыть не Каспийское море, а Атлантический океан и пробыть в пути не двадцать четыре часа, а восемь суток.

Можете мне поверить, что американец даже и не подумал предложить руку нашей незнакомке, чтобы помочь ей выйти из вагона. Это сделал за него я.

Путешественница, опираясь на мою руку, медленно опускается на платформу. В награду за это я получаю лишь отрывистое «thank you, sir» (благодарю вас, сэр (англ.)), произнесенное с поистине британской сухостью.

Теккерей сказал где-то, что благовоспитанная англичанка – совершеннейшее создание бога на земле. Я готов проверить это галантное изречение на нашей попутчице. Наконец-то она подняла вуалетку. Кто она, молодая дама или старая дева? У англичанок никогда этого не поймешь.

На вид ей можно дать лет двадцать пять. Лицо у нее бесцветное, походка угловатая, пышное платье вздымается, как волна во время равноденствия. Она без очков, хотя ее голубые глаза

близоруко щурятся. На мой почтительный поклон она отвечает небрежным кивком, приведя в движение только позвонки своей длинной шеи, и размашистым шагом направляется к выходу.

Вполне возможно, что мы еще встретимся с ней на борту парохода. Но на пристань я спущусь перед самым отплытием. Раз уж случай привел меня в Баку и в моем распоряжении есть только полдня для его изучения, то нельзя потерять даром ни одного часа.

Название этого города, пожалуй, не вызовет никакого любопытства у читателя. Но, быть может, у него разыграется воображение, если я скажу, что Баку – это столица огнепоклонников.

Окруженный тройным рядом зубчатых стен, Баку расположен на Апшеронском полуострове, у крайних отрогов Кавказского хребта. Где я нахожусь, в Персии или в России?.. Конечно, в России – раз Грузия является русской провинцией, но можно подумать, что и в Персии – настолько Баку сохранил свой персидский колорит (с XVI до начала XVIII вв. Баку находился под властью персов). Я осматриваю ханский дворец, архитектурный памятник времен Шахрияра и Шахразады, «дочери луны» и искусной рассказчицы. Тонкая скульптура во дворце так свежа, будто только что вышла из-под резца ваятеля. Дальше, по углам старой мечети, куда можно войти, не снимая обуви, поднимаются стройные минареты. Правда, муэдзин не поет там в часы молитвы звучные стихи из Корана. К тому же в Баку есть и вполне русские и по внешнему виду, и по господствующим нравам кварталы, застроенные деревянными домами, без всякой восточной окраски; и внушительный железнодорожный вокзал, достойный любого большого города Европы или Америки; и вполне современный порт в новой части города, где сотни труб загрязняют атмосферу густым дымом от каменного угля, сжигаемого в паровых топках.

Вы вправе спросить, зачем употребляется уголь в этом городе нефти? К чему это топливо, если голая и бесплодная почва Апшеронского полуострова, на которой растет лишь понтийская полынь, так богата минеральными маслами?

Здесь можно добыть столько дешевой нефти, что даже при самом большом расходе ее не исчерпать в течение столетий.

Поистине чудо природы! Хотите моментально получить освещение или отопление? Нет ничего проще; стоит только сделать отверстие в почве, оттуда вырвется газ, и смело зажигайте его. Вот вам естественный газгольдер, доступный для любого кармана! Мне хотелось посетить знаменитое святилище Атеш-Гах, но оно находится в двадцати двух верстах от города, и я бы не успел обернуться. Там горит вечный огонь, уже сотни лет поддерживаемый парсийскими священниками, выходцами из Индии, которые не едят животной пищи. В других странах этих убежденных вегетарианцев считали бы просто любителями овощей. И тут я вспоминаю, что еще не завтракал, и, так как бьет одиннадцать часов, поворачиваю к вокзальному ресторану, ибо отнюдь не собираюсь следовать вегетарианскому режиму парсийских жрецов.

При входе в зал сталкиваюсь с выбежавшим оттуда Фульком Эфринелем.

– А завтрак?.. – спрашиваю я его.

– С ним уже покончено, – отвечает он.

– А ваш багаж?

– Остается еще погрузить на пароход двадцать девять ящиков... Но, простите, я не могу терять ни минуты. Раз уж на мою долю выпала честь представлять интересы торгового дома «Стронг Бульбуль и Ко», который еженедельно экспортирует по пять тысяч ящиков готовой продукции...

– Бегите, бегите, господин Эфринель, мы увидимся на палубе. Кстати, вы не встречали нашу попутчицу?

– Какую попутчицу?

– Молодую даму, которая заняла мое место в купе.

– Так вы говорите, с нами ехала молодая дама?..

– Да.

– Только сейчас узнаю об этом, господин Бомбарнак, узнаю только сейчас...

И американец, переступив порог, скрывается за дверь. Но я не теряю надежды узнать еще до прибытия в Пекин, чем занимается фирма «Стронг Бульбуль и Ко» в Нью-Йорке. Пять тысяч ящиков еженедельно... Какая производительность и каков сбыт!

Наскоро позавтракав, я опять отправляюсь в поход. Во время

прогулки мне представляется возможность полюбоваться лезгинами во всем их великолепии: серые черкески с патронташами на груди, бешметы из ярко-красного шелка, гетры, вышитые серебром, плоские сапожки без каблуков, белая папаха на голове, длинное ружье через плечо, шашка и кинжал на поясе; короче говоря, они вооружены до зубов и производят весьма внушительное впечатление.

Уже два часа. Пора идти на пристань. По дороге нужно еще завернуть на вокзал за моим легким багажом, оставленным в камере хранения.

И вот, с чемоданом в одной руке и с тросточкой в другой, я спускаюсь по улице, ведущей к причалу.

На одной из площадей, где крепостная стена открывает проход на набережную, мое внимание невольно привлекают двое людей – мужчина и женщина – в дорожных костюмах. Мужчине можно дать лет тридцать – тридцать пять, женщине – от двадцати пяти до тридцати. Он – сидящий брюнет, с подвижной физиономией, быстрым взглядом, легкой, балансирующей походкой.

Она – довольно красивая голубоглазая блондинка, с вьющимися волосами и уже немного поблекшим лицом. Ее яркое старомодное платье отнюдь не свидетельствует о хорошем вкусе. По-видимому, это супруги, только сейчас прибывшие тифлисским поездом, и если интуиция не обманывает меня – мои соотечественники.

Несмотря на то, что я рассматриваю их почти в упор, они меня не замечают, да и не могут заметить: в руках у них саквояжи, под мышками – трости, дождевые и солнечные зонтики, за плечами – подушки и одеяла. Они постарались захватить с собой как можно больше самых разнообразных вещей, чтобы не сдавать на пароходе в багаж. Я испытываю большое желание помочь им. Разве это не счастливый и редкий случай – встретить французов вдали от Франции?

Но в ту минуту, когда я хочу с ними заговорить, вновь появляется Фульк Эфринель, увлекает меня за собой, и я оставляю супружескую пару позади. Но еще не все потеряно. Я успею с ними познакомиться на пароходе.

– А как идет погрузка вашего багажа? – спрашиваю я у янки.

– В настоящий момент переправляем тридцать седьмой ящик.

– И пока без приключений?

– Без всяких приключений.

– А нельзя ли узнать, что находится в ваших ящиках?

– Что в них находится?.. Вот он, вот он тридцать седьмой! – восклицает Фульк Эфринель и бежит навстречу подводе, выехавшей на пристань.

На набережной шумно и многолюдно, как обычно бывает в порту при высадке и посадке. Баку – самый крупный торговый и пассажирский порт на Каспийском море, вернее, большом озере, так как оно не сообщается с соседними морями.

Дербент, лежащий севернее, не может идти ни в какое сравнение с Баку, где производится наибольшее количество торговых операций. Нечего и говорить, что с основанием порта в Узун-Ада, на противоположном берегу Каспия, бакинский транзит увеличился в десять раз. Закаспийская дорога, открытая для пассажирских и товарных перевозок, стала теперь главным торговым путем, соединяющим Европу с Туркестаном.

Быть может, в недалеком будущем вдоль персидской границы пройдет еще одна магистраль, которая свяжет рельсовые пути южной России с железными дорогами Индии, и тогда пассажирам уже не нужно будет переправляться через Каспийское море. А когда этот обширный замкнутый бассейн высохнет вследствие интенсивного испарения, то почему бы не проложить рельсы по его песчаному дну, чтобы поезда могли ходить без пересадки от Баку до Узун-Ада?

Но это еще вопрос проблематический, а пока что нужно сесть на пароход, что я и делаю, присоединившись к толпе пассажиров.

Наш пароход называется «Астра» и принадлежит обществу «Кавказ и Меркурий». Это большое колесное судно, делающее рейсы от берега к берегу три раза в неделю. Широкое в корпусе, оно приспособлено прежде всего для перевозки грузов, и строители скорее позаботились о размещении тюков, чем об удобстве пассажиров. Однако, когда речь идет о путешествии продолжительностью в одни сутки, привередничать не стоит.

У причала шумная толпа. Одни уезжают, другие провожают, третьи пришли просто так поглазеть. Среди пассажиров больше всего туркменов, затем десятка два европейцев различных

национальностей, несколько персов и даже двое уроженцев Поднебесной Империи. Эти, очевидно, едут в Китай.

«Астра» битком набита всевозможными товарами. Места в трюме не хватило, загромождена вся палуба. Для пассажиров отведена кормовая часть, но и там навалены тюки и ящики, прикрытые толстым просмоленным брезентом для защиты от волн.

Сюда сложили и багаж Фулька Эфринеля, который руководил погрузкой с энергией истого янки, решившего во что бы то ни стало не терять из виду свой драгоценный груз – кубические ящики длиной, шириной и высотой по два фута, старательно обтянутые лакированной кожей, с надписью, вытесненной крупными буквами: «Стронг Бульбуль и Ко в Нью-Йорке».

– Все ваши ящики на борту? – спрашиваю я у американца.

– Вот несут сорок второй и последний, – отвечает он.

Действительно, в эту минуту показался носильщик с упомянутым ящиком на спине. Мне кажется, что он слегка покачивается, то ли от тяжести груза, то ли от неумеренного употребления водки.

– Wait a bit! – кричит Фулек Эфринель. Затем, чтобы быть лучше понятым, он восклицает на хорошем русском языке:

– Осторожно!.. Осторожно!

Совет превосходный, но запоздалый. Носильщик делает неловкий шаг, ящик срывается с его плеч, падает... к счастью, по эту сторону бортовых сеток

«Астры», раскалывается на две части, и по палубе рассыпается содержимое порванных бумажных пакетиков.

Какой негодующий крик испустил Фулек Эфринель! Каким тумачком наградил он неловкого носильщика, повторяя полным отчаяния голосом:

– Мои зубы!.. Мои бедные зубы!

И вот он, ползая на коленях, подбирает разлетевшиеся по узкому проходу изделия из искусственной слоновой кости, а я при виде этой забавной сцены не могу удержаться от смеха.

Итак, фирма «Стронг Бульбуль и Ко» всего-навсего фабрикует зубы!

Так значит, это гигантское, предприятие существует только для того, чтобы еженедельно поставлять пять тысяч ящиков зубов во все пять частей света! Так значит, машина мощностью в полторы

тысячи лошадиных сил сжигает ежедневно сотню тонн угля только для того, чтобы снабжать искусственными зубами дантистов Старого и Нового Света и посылать их даже в Китай! Ничего не скажешь! Поистине американский размах!

Говорят, что население земного шара составляет тысячу четыреста миллионов душ, а если учесть, что на каждого человека приходится по тридцать два зуба, то в общем получится около сорока пяти миллиардов.

Следовательно, если бы когда-нибудь пришлось заменить все настоящие зубы фальшивыми, то даже фирма «Стронг Бульбуль и Ко» не смогла бы справиться с таким делом.

Но предоставим Фульку Эфринелю собирать зубоврачебные сокровища сорок второго ящика. Уже прозвучали последние удары гонга. Все пассажиры на борту. «Астра» собирается отчалить.

Вдруг со стороны набережной раздаются крики. Узнаю знакомый голос. Это кричит немец. То же самое я слышал в Тифлисе, когда отходил бакинский поезд.

И действительно, вот и сам путешественник. Он бежит, запыхавшись, он выбивается из сил. Но сходни уже подняты, и пароход медленно отделяется от дебаркадера. Что же будет с опоздавшим пассажиром? Но, на его счастье, он поспекает как раз в ту минуту, когда двое матросов собираются отдать последний швартов на корме «Астры». Они протягивают немцу руку и помогают вскочить на борт...

Судя по всему, этот толстяк всегда опаздывает, и я буду крайне удивлен, если он доберется до места назначения.

И вот уже «Астра» пенит воду своими могучими колесами и, удалившись от берега, покидает пределы порта.

Приблизительно в четырехстах метрах впереди судна я заметил какое-то странное кипение; оно вырывалось из глубины, волнуя поверхность моря. Я стоял в это время с сигарой в зубах у кормовых сеток левого борта, наблюдая, как за оконечностью Апшеронского мыса исчезает бакинский порт, а на западном горизонте вырисовывается Кавказская горная цепь.

От моей сигары остался лишь окурок. Затянувшись последний раз, я бросил его за борт. И в ту же минуту корпус «Астры» окружила огненная пелена.

Непонятное волнение создавалось, оказывается, подводным нефтяным источником. Достаточно было окурка, чтобы горячее воспламенилось...

Пассажиры поднимают крик. «Астра» идет сквозь завесу пламени, но резкий поворот руля выводит нас на безопасное место.

Капитан, спустившись на корму, ограничивается только коротким замечанием:

– С вашей стороны это было очень неосторожно.

Я отвечаю ему, как отвечают всегда в таких случаях:

– Право же, капитан, я не знал.

– А надо было знать, сударь.

Эта фраза была произнесена в нескольких шагах от меня сухим и жестким голосом.

Я оглянулся.

Внушение сделала мне англичанка.

4.

Не следует особенно доверять путевым впечатлениям. Они всегда субъективны. Это слово я употребляю потому, что оно стало модным, хоть и не очень-то понимаю его смысл. Человек веселый на все посмотрит весело, мрачный – увидит то же самое в мрачном свете. Демокриту берега Иордана и Мертвого моря показались бы восхитительными, а Гераклит нашел бы унылыми берега Босфора и окрестности Неаполитанского залива.

У меня счастливый характер – да простит мне читатель, если я грешу эгоизмом, то есть слишком часто напоминаю о своей персоне. Но ведь редко, когда личность автора не примешивается к тому, о чем он рассказывает – примером служит Гюго, Дюма, Ламартин и многие другие писатели. Шекспир, правда, составляет исключение но я, как вы знаете, не Шекспир, и в равной мере не Ламартин, Дюма или Гюго.

И все же, как ни враждебны мне пессимистические доктрины Шопенгауэра и Леопарди, признаюсь, что берега Каспийского моря показались мне мрачными и неприветливыми. Никакой жизни в этих местах, ни растительности, ни птиц.

Не чувствуешь здесь настоящего большого моря. Между тем, хотя

Каспий в сущности не что иное, как озеро, лежащее во впадине, на двадцать шесть метров ниже уровня Средиземного моря, на озере этом часто бывают сильные бури. Но пароходу там не приходится «спасаться бегством», как говорят моряки. Да и что значит ширина в какую-нибудь сотню лье! Живо достигаешь западного или восточного берега. Впрочем, ни на европейской, ни на азиатской стороне побережья почти нет удобных гаваней, где можно было бы укрыться от непогоды.

На борту «Астры» находится около сотни пассажиров, по большей части кавказцев, ведущих торговлю с Туркестаном. Они не последуют за нами до восточных границ Поднебесной Империи.

Закаспийская железная дорога уже несколько лет функционирует между Узун-Ада и китайской границей. Только между этим портом и Самаркандом насчитывается не менее шестидесяти трех станций. Значит, на этом участке пути сойдет с поезда большинство пассажиров. Интересы они для меня не представляют. Наблюдать за ними – только время терять. Допустим, что один из них привлек мое внимание. Я принимаюсь за него, хочу выведать «чем он живет и дышит», а он возьми да исчезни на следующей станции.

Нет! Стоит заниматься только теми пассажирами, которые будут меня сопровождать до места назначения. У меня уже есть Фульк Эфринель и, может быть, эта обаятельная англичанка, которая, как мне кажется, едет до Пекина. В Узун-Ада я встречу и других попутчиков. Правда, до сих пор я ничего не знаю о французской супружеской чете. Но переправа через Каспий только началась, и я успею решить как с ними держаться. Есть еще двое китайцев, по-видимому, возвращающихся в свою Поднебесную Империю. Знай я хоть сотню слов из «гуаньхуа», их разговорного языка, я не преминул бы, конечно, вступить в беседу с этими любопытными личностями, до того типичными, словно они только что соскочили с китайской ширмы.

Кого действительно не хватает для моей хроники – персонажа; окруженного легендами, какого-нибудь таинственного героя, который путешествовал бы инкогнито, будь то знатный аристократ или обыкновенный бандит. Нельзя забывать, что мы, репортеры, играем двойную роль – и как ловцы интересных фактов, и как

искатели объектов, достойных интервью... столько-то за строчку. А потому самое главное – уметь выбирать. Кто хорошо выбирает, тот и преуспевает.

Я спустился по трапу в кормовой салон. Ни одного свободного места. И каюты давно уже заняты пассажирами, которые не переносят ни бортовой, ни килевой качки. Они улеглись, как только попали на пароход, и встанут, когда он причалит к дебаркадеру в Узун-Ада. За недостатком кают, многие устроились на диванах, заваленных свертками, и оттуда уже не сдвинутся.

Подите-ка поищите романтического героя среди этих сонь, напуганных морской болезнью!

Я решил провести ночь на палубе и вернулся наверх. Американец все еще возился с пострадавшим ящиком.

– Вы только подумайте, – восклицает он, – вы только подумайте, этот пьяный мужик еще осмелился попросить у меня на чай!

– Надеюсь, господин Эфринель, что у вас ничего не пропало?

– К счастью... ничего!

– Позвольте спросить, сколько же зубов везете вы в Китай в этих ящиках?

– Миллион восемьсот тысяч, не считая зубов мудрости.

И Фульк Эфринель, отпустив остроту, которую, наверное, не раз уже употреблял в дороге, раздражается раскатистым смехом. Я покидаю его и прохожу через тамбуры на носовую часть палубы.

Небо довольно ясное, но свежий северный ветерок, кажется, крепчает. По поверхности моря стелются длинные зеленоватые полосы. Возможно, что ночь будет сверх ожидания суровой. На носу парохода скопилось много пассажиров: туркмены в лохмотьях, узкоглазые киргизы, крестьяне-переселенцы – бедняки, растянувшиеся как попало на деревянных настилах, вдоль судовых переборок, среди просмоленной парусины. Почти все они курят или жуют припасенную на дорогу еду. Другие стараются забыться сном, чтобы прогнать усталость или заглушить голод.

Я хочу пройти сотню шагов, отделяющих меня от этих людей, и понаблюдать за ними в непосредственной близости. Ведь репортер подобен охотнику, который долго шныряет по кустам, прежде чем нападает на след. И вот я очутился перед грудой ящиков и

окидываю их пытливым взглядом таможенника.

Замечаю большой деревянный ящик белого цвета, прикрытый брезентовым полотнищем, высотой около двух метров и по метру в ширину и глубину. Он водружен сюда с предосторожностями, которых требуют надписи на стенках, выведенные русскими буквами:

«Осторожно, зеркала! – Хрупкое, не кантовать! – Беречь от сырости!»

Кроме того, обозначено «Верх и Низ» и указан адрес: г-же Зинке Клорк, улица Ша-Хуа, Пекин, провинция Чжили (ныне провинция Хэбэй), Китай.

Судя по имени, эта Зинка Клорк, должно быть, румынка: она воспользовалась прямым Трансазиатским поездом, чтобы выписать себе зеркала. Неужели этого товара нет в магазинах Поднебесной Империи? Как же тогда китайянки любят свои миндалевидными глазами и сооружают замысловатые прически?

В шесть часов звонит колокол к обеду. Столовая – в носовой части судна.

Спускаюсь туда и нахожу за столом около сорока человек.

Фульк Эфринель сидит почти посредине. Рядом с ним – свободное место, он знаком приглашает меня, и я сажусь.

Видимо, это только случайность, но слева от него восседает англичанка.

Американец беседует с ней и считает нужным представить ее мне: – Мисс Горация Блуэтт, – говорит он.

Напротив сидит французская чета и старательно изучает меню.

Немецкий путешественник расположился на другом конце стола, поближе к буфетной, откуда выносят блюда, что позволяет ему получать первому. Это крепко сбитый светловолосый мужчина с розовым лицом, рыжеватой бородой, пухлыми руками и очень длинным носом, наводящим на мысль о толстокожих из породы хоботных. Вид у него, как у германского офицера запаса, которому угрожает преждевременное ожирение.

– На этот раз он не опоздал, – говорю я Фульку Эфринелю.

– В Германской Империи обеденный час соблюдается неукоснительно – отвечает мне американец.

– Не знаете ли вы имени этого немца?

– Как же! Барон Вейсшнитцердерфер.

– И с такой фамилией он едет до Пекина?

– До самого Пекина, равно как и этот русский майор, что сидит рядом с капитаном «Астры».

Я вижу человека средних лет, бородатого, с сильной проседью. Тип вполне русский. Лицо открытое, располагающее. Я знаю русский язык, а он, вероятно, владеет французским. Не будет ли он тем попутчиком, о котором я мечтаю?

– Вы говорите, господин Эфринель, что он майор?

– Да, он русский военный врач, майор Нольтиц.

Американец успел разузнать гораздо больше, чем я, хоть он и не репортер.

Боковая качка еще не очень чувствительна, и каждый спокойно занимается своим обедом. Фульк Эфринель беседует с мисс Горацией Блуэтт, и из их разговора я понимаю, что между этими двумя англосаксонскими натурами есть много общего.

И в самом деле, если один занимается поставкой зубов, то другая – волос. Мисс Горация Блуэтт – представительница солидной лондонской фирмы – торгового дома Гольмс-Гольм, получающего ежегодно из Поднебесной Империи сотни тонн женских волос на сумму в два миллиона фунтов стерлингов. Она едет в Пекин, чтобы учредить на средства этого дома постоянную контору, где будут концентрироваться волосы, собранные с подданных Сына Неба – и женщин, и мужчин. Дело обещает получить тем более благоприятный оборот, что тайное общество «Голубой Лотос» хлопочет об уничтожении косы, эмблемы подчиненности китайцев маньчжурским монголам.

«Ну, что ж? – подумал я. – Если Китай отправляет в Англию свои волосы, то зато Америка снабжает его зубами. Обмен основан на дружеских началах, и значит, все обстоит, как нельзя лучше».

Уже четверть часа, как мы сидим за столом. Пока ничего особенного не произошло. Пассажир с бритым лицом и его белокурая подруга, кажется, прислушиваются к нашей французской речи, прислушиваются с явным удовольствием и очевидным желанием вмешаться в разговор. Да, значит, я не ошибся: это мои соотечественники, но к какой категории людей они принадлежат?..

В эту минуту крен «Астры» усиливается; тарелки подпрыгивают в углублении стола, приборы звенят и соскальзывают, из стаканов выплескивается часть содержимого, висючие лампы отклоняются от вертикальной линии или, вернее сказать, наши стулья и стол подчиняются капризам боковой качки. Любопытно наблюдать за всем этим, если сам ты не подвержен морской болезни.

– Эге, – говорит мне американец. – Его величество Каспий начинает стряхивать с себя блох!

– А вас не укачивает? – спрашиваю я его.

– Меня? – отвечает он, – не больше, чем морскую свинку. А вы, мисс, – добавил он, обращаясь к соседке, – вы легко переносите качку?

– На меня она не действует, – отвечает Горация Блуэтт.

По другую сторону стола супружеская чета обменивается несколькими словами по-французски:

– Тебе не дурно, Каролина?

– Нет, Адольф... пока еще нет... но если так будет продолжаться... признаюсь, что...

– В таком случае, Каролина, лучше выйдем на палубу. Ветер на четверть потянул к востоку, и «Астра» не замедлит зарыться носом в перо.

Эта манера выражаться говорит о том, что господин Катерна – ибо таково его имя – моряк, или когда-то им был. Этим объясняется и его балансирующая походка.

Между тем качка становится все сильнее и сильнее. Большинство присутствующих не может ее вынести. Около тридцати пассажиров уже вышли из-за стола и отправились на палубу. Надеюсь, что на свежем воздухе им будет лучше. В столовой осталось не больше десяти человек, включая капитана, с которым мирно беседует майор Нольтиц. Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт, как видно, привыкли к этим неизбежным случайностям навигации. Немецкий барон продолжает спокойно есть и пить, будто находится в мюнхенской или франкфуртской пивной. Держа нож в правой руке, а вилку в левой, он нарезает мясо кусочками, солит его, присыпает перцем, поливает соусом и на кончике ножа отправляет под свою волосатую губу. Узнаю тевтонскую натуру! Что бы ни случилось, он будет держаться невозмутимо и никакая

качка не заставит его упустить хотя бы одного глотка питья или куска пищи.

Немного поодаль расположились оба китайца, которых я разглядываю с любопытством.

Один из них, молодой человек лет двадцати пяти, с изящными манерами и приятным лицом, несмотря на желтизну кожи и раскосые глаза. Надо полагать, что несколько лет, проведенных в Европе, отразились не только на его манерах, но и на костюме. У него подстриженные усы, умные глаза и прическа скорее на французский, чем на китайский лад. Он кажется мне славным малым с веселым характером и вряд ли часто поднимается на «башню сожалений», если употребить метафору его родной страны.

Его компаньон, над которым он, кажется, слегка подтрунивает, похож на кивающую головой фарфоровую куклу. На вид ему лет пятьдесят – пятьдесят пять, лицо у него невзрачное, затылок наполовину выбрит, на спине традиционная коса, одежда национальная – платье, кофта, кушак, широкие шаровары и пестрые туфли без задника. Он не так вынослив и с усилением килевой качки, сопровождающейся дребезжанием посуды, вскакивает из-за стола и исчезает на лестнице, ведущей в кормовую рубку. А молодой китаец, протягивая забытый им на столе маленький томик, кричит ему вслед:

– Корнаро!.. Корнаро!..

Как попало итальянское слово на уста жителя востока? Неужели этот китаец говорит на языке Боккаччо? «XX век» имеет право это узнать и обязательно узнает.

Что же касается госпожи Катерна, то она встает, сильно побледнев, и господин Катерна, как примерный супруг, сопровождает ее на палубу.

После обеда я тоже иду на палубу, предоставив Фульку Эфринелю и мисс Горации Блуэтт беседовать с глазу на глаз о комиссионных процентах и прейскурантах.

Ночь почти наступила. Быстро бегущие тучи, гонимые с востока, задрапировали верхние слои неба широкими складками. Где-то в вышине мерцает еще несколько редких звездочек. Ветер свежеет. На фок-мачте качается, поскрипывая, белый фонарь. Два других

фонаря, по правому и левому борту, следуя движениям качки, бросают на волны длинные шлейфы красного и зеленого цвета.

Вскоре мне опять попадается на глаза Фульк Эфринель. Так как мисс Горация Блуэтт удалилась в свою каюту, он решил поискать в кормовом салоне свободное местечко на диване. Мы расстаемся, пожелав друг другу спокойной ночи.

Я же собираюсь остаться на палубе, забиться куда-нибудь в уголок и, завернувшись в одеяло, заснуть, как свободный от вахты матрос.

Еще только восемь часов. Я закурываю сигару и, расставь ноги, чтобы создать упор против боковой качки, начинаю прогуливаться вдоль борта.

Пассажиры первого класса уже покинули палубу, и я нахожусь там почти в полном одиночестве. По мостику взад и вперед шагает старший помощник, следя за курсом, которого должен придерживаться стоящий рядом с ним рулевой. Лопасты гребных колес с огромной силой ударяют по воде, производя страшный грохот, когда судно накреняется, и одно из них работает вхолостую. Из трубы вырываются клубы едкого дыма, рассыпая в воздухе снопы искр.

К девяти часам наступает полная тьма. Я пытаюсь высмотреть вдали огонек какого-нибудь парохода, но тщетно: на Каспийском море нет большого движения. Слышны только крики морских птиц – чаек и синьг, отдающихся прихоти ветра.

Прохаживаюсь по палубе и не могу отделаться от мысли: а что, если путешествие так и закончится без всяких приключений и мне нечего будет сообщить моей газете!.. Редакция призовет меня к ответу и будет вполне права. Как! Ни одного происшествия от Тифлиса до Пекина?.. Конечно, я один был бы в этом виноват, и поэтому должен пойти на все, лишь бы избежать подобного несчастья.

В половине одиннадцатого я усаживаюсь на одну из скамей на корме «Астры». Но не тут-то было! На таком ветру долго не посидишь!

Поднимаюсь на переднюю палубу, придерживаясь за планшир. Под мостиком, между колесными кожухами, меня настиг такой порыв ветра, что пришлось искать убежища возле товаров, накрытых

брезентом. Растянувшись среди ящиков, я закутываюсь в одеяло, прислоняюсь головой к просмоленной ткани и немедленно засыпаю. Спустя некоторое время – затрудняюсь сказать прошел час или больше – меня будит какой-то странный шум. Прислушиваюсь внимательнее. Похоже, что рядом со мной кто-то храпит.

«Должно быть, это какой-нибудь пассажир с носовой части судна, – думаю я. – Видимо, он пролез между ящиками, устроился под брезентом и ему совсем неплохо в этой импровизированной каюте».

Но при тусклом свете керосиновой лампы, едва проникающем с нактоуза, невозможно ничего разглядеть.

Я снова прислушиваюсь... Шум прекратился. Оглядываюсь кругом... Никого.

«Наверное, это мне почудилось во сне», – думаю я, и принимаю прежнюю позу.

И только стал засыпать – храп возобновился. Ну, конечно. Он идет из того ящика, к которому я прислонился головой.

«Черт возьми, – говорю я себе, – да там сидит какое-то животное».

Животное?... Но какое?... Кошка?... Собака?... Нет, этого не может быть!

Зачем запирают в такой ящик домашнее животное? Значит, там хищный зверь... пантера, тигр, лев?..

Вот я и попал на след. Это хищники, которых отправляют в зверинец или какому-нибудь султану Центральной Азии... В ящике находится клетка, и если бы она раскрылась... если бы хищник бросился на палубу... какое ошеломляющее дорожное приключение... какой материал для хроники!.. Вот видите, до какой степени может дойти пылкое воображение репортера, жаждущего сенсаций. Любой ценой мне нужно узнать, кому предназначен этот хищник и куда его должны доставить, в Узун-Ада или дальше, в Китай...

Адрес, конечно, указан на ящике.

Достаю восковую свечку, зажигаю, и она горит ровным пламенем, так как я укрыт от ветра.

И представьте себе, что я вижу...

Ящик с уже знакомым мне адресом: г-же Зинке Клорк, улица Ша-Хуа, Пекин, провинция Чжили, Китай...

Он такой хрупкий, бедный хищник! Он так боится сырости, несчастный лев!

Допустим, что так и есть! Но зачем госпоже Зинке Клорк, этой красивой румынке – я не сомневаюсь ни в том, что она румынка, ни в том, что она красавица – захотелось выписать из Европы хищного зверя?

Но довольно болтать вздор! Попробуем рассуждать логично. Если это животное, то каково бы оно ни было, его нужно кормить и поить. Ведь от Узун-Ада до столицы Поднебесной Империи поезд идет одиннадцать дней. Так кто же на протяжении долгого пути будет заботиться о запертом в ящике звере? Железнодорожные служащие окажут ему не больше внимания, чем требует транспортировка зеркал, и бедное животное погибнет от истощения!

Все эти соображения вихрем проносятся в моем мозгу, мысли перескакивают с предмета на предмет. «Я бодрствую или вижу дивный сон?» – вспоминаю я слова Маргариты из «Фауста». Но побороть сон невозможно. Веки мои слипаются, будто на них давят свинцовые гири. Я забираюсь под брезент, еще плотнее кутаюсь в одеяло и засыпаю глубоким сном.

Сколько времени я проспал? Должно быть, три или четыре часа. Помню только, что когда я проснулся, было еще совсем темно.

Протерев глаза, я потягиваюсь, покидаю свое ложе и опять хожу вдоль палубы, держась за бортовые сетки.

Ветер теперь тянет с северо-запада, волнение поутихло, и «Астру» не так качает.

Ночь очень холодная. Я согреваюсь тем, что в течение получаса меряю палубу большими шагами, даже ни разу не вспомнив о моем хищнике. Внезапно мысли возвращаются к нему. Не следует ли обратить внимание начальника станции в Узун-Ада на этот опасный груз? Впрочем, зачем мне соваться не в свое дело!

Смотрю на часы: они показывают ровно три. Возвращаюсь на прежнее место.

Прислонившись головой к стенке ящика, закрываю глаза...

Вдруг снова шум... На этот раз уже нельзя ошибиться... Стенки ящика задрожали от полуприглушенного чихания. Никакое животное не могло бы так чихать!

Возможно ли это? Неужели в ящике спрятался человек, чтобы проехать «зайцем» по Великой Трансазиатской магистрали к прекрасной румынке... Но мужчина это или женщина?.. Мне показалось, что мужчина.

Теперь не до сна. Как долго не рассветает и как мне не терпится проникнуть в тайну этого ящика! Я мечтал о приключениях. Так вот! Они начинаются, и если я не извлеку отсюда хотя бы пятисот строк хроники...

На востоке проступает смутная белизна, мало-помалу очерчивая горизонт... Сначала окрашиваются облака в зените, а потом показывается и само солнце, большое и словно влажное от брызг.

Внимательно осматриваю ящик. Да, несомненно, он едет в Пекин. Замечаю, что в разных местах просверлены дырочки, через которые должен проходить воздух. Быть может, пара глаз следит сейчас за мной сквозь эти отверстия... Но не будем нескромными...

За завтраком собрались те из пассажиров, которых пощадила морская болезнь. Среди них молодой китаец, майор Нольтиц, Фульк Эфринель, мисс Горация Блуэтт, господин Катерна в единственном числе, барон Вейсшнитцердерфер и еще семь или восемь человек. Я и не подумаю доверить американцу тайну ящика... Он может проболтаться, тогда – прощай моя хроника!

Около полудня на востоке показалась земля, плоская и желтая, изборожденная дюнами. Легко догадаться, что это Красноводск.

В час дня мы были уже на траверзе Узун-Ада, а в час двадцать семь минут я ступил на азиатскую землю. Romanlar